

*На войне
как на войне*

Двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот сорок третьего года Первый Украинский фронт перешел в наступление. На участке Радомысль — Брусилов оборону немцев прорывала 3-я гвардейская танковая армия. Первые три дня самоходный полк полковника Басова находился в резерве начальника артиллерии 6-го гвардейского танкового корпуса.

Самоходки закопались в лесу, куда они прибыли еще за два дня до начала наступления. Лес этот младший лейтенант Малешкин — командир СУ-85 — считал ни с чем не сравнимым убожеством. Немецкие летчики с артиллеристами так его обработали, что он просматривался насквозь: и с боков, и сверху.

Две ночи экипаж Сани Малешкина сидел под машиной в яме, около танковой печки. В яме было невыносимо жарко, и дым безжалостно выедал глаза. Огонь в печке надо было поддерживать все время. Таков был приказ командира полка.

Последнюю ночь Саня не смыкал глаз до утра. Дежурство у печки он побоялся доверить даже заряжающему — ефрейтору Бянкину, самому опытному и толковому бойцу экипажа. Накануне в полку произошло ЧП. Экипаж Саняного приятеля лейтенанта Пашки Теленкова так усердно топил печку,

что раскалил днище машины. Дюритовые соединения на трубопроводах обуглились и лопнули. Из мотора и баков вытекло все масло и горючее. Если бы полк не задержался в лесу еще на сутки по каким-то неизвестным Сане Малешкину причинам, Теленкову могли бы приписать умышленную порчу машины перед боем и отправить его в штрафную роту. Но Пашку пощадили. Впрочем, Пашка — парень действительно отчаянный, смелый, а самоходку вывел из строя потому, что уснул с экипажем и чуть сам не сгорел.

Младший лейтенант Малешкин подогревал свою самоходку осторожно и все время беспокойно ощупывал днище под мотором. По мнению Сани, температура была в самый раз, чтоб мотор завелся в одну секунду и самоходка, выскочив из ямы, ринулась в бой.

На войне младшему лейтенанту Малешкину пока что ужасно не везло. Вот уже полгода, как он на фронте, а еще не выпустил по врагу ни одного снаряда. На своей самоходке Саня догонял немцев по пыльным дорогам Полтавщины вплоть до Днепра. И вот тут ему, казалось, улыбнулось счастье. Но увы! Оно только улыбнулось — не больше. Во время переправы на Буклинский плацдарм, когда Санина самоходка уже вскарабкалась на паром, немец словно нарочно пустил всего лишь один снаряд, и он плюхнулся у парома. Никто не пострадал, кроме Малешкина. Осколком снаряда, словно гигантским топором, обрубил у пушки конец ствола. Нелепейший случай! А не будь его, Саня переправился бы на ту сторону реки и наверняка стал бы героем. По крайней мере, он так думал. Впрочем, кто знает, может, и стал бы. В приказе командую-

шего фронтом значилось, что первый воин — пехотинец, танкист, артиллерист, — ставший ногой на правый берег Днепра, получает звание Героя Советского Союза. А ведь Санина машина переправлялась первой.

Самоходку Малешкина стащили с парома и поволокли в тыл менять пушку. Ребята воевали, дрались за Киев, а он все это время сидел около пустого корпуса своей самоходки. За это Пашка Теленков присвоил ему звание «корпусного генерала». Оно так прилипло к Малешкину, что теперь редко кто называл его младшим лейтенантом.

Очередного наступления Малешкин ждал с нетерпением и твердо был уверен, что в конце концов он покажет себя. Всю эту длинную декабрьскую ночь Саня подогревал машину, размышляя о своей злосчастной судьбе, думал о предстоящих боях и мечтал об ордене. У всех ребят в полку были ордена, у Пашки Теленкова — три. А у Малешкина — ни медали, ни значка.

Под утро Саня чуть-чуть прикорнул и был разбужен зычным голосом комбата:

— Командиры машин, ко мне!

— Подымайся! Живо! — закричал Саня на свой экипаж, который вповалку спал на дне ямы.

Командир четвертой батареи капитан Сергачев в белом полушубке, туго стянутом ремнями, нетерпеливо постегивал прутиком по голенищу хромового сапога.

— Гвардии младший лейтенант Малешкин по вашему приказанию явился! — прокричал Саня, приложив к ушанке черную, как у трубочиста, руку.

Сергачев не то с удивлением, не то с презрением посмотрел на Малешкина:

— Шапку поправь, разгильдяй.

Саня схватился обеими руками за шапку, повернул ее на сто восемьдесят градусов, перетащил с бока на живот пряжку ремня и, став по стойке смирно, без страха ел глазами командира. Весь его вид говорил: «Смотри, комбат, какой я сегодня молодец, не только шапку, но и ремень поправил».

Подбежал лейтенант Теленков и тоже доложил, что он явился.

— Машина готова? — вместо приветствия спросил комбат.

— Так точно, товарищ капитан! Всю ночь работали.

— Скажи мне спасибо, а то бы наверняка тебя под трибунал закатали.

Легко подпрыгивая, прибежал младший лейтенант Чегничка, стукнул каблуками и ловко вскинул к бровям руку. За ним не торопясь, развалисто подошел лейтенант Беззубцев и небрежно махнул рукой. Этого угрюмого широкоплечего офицера на батарее побаивались и уважали. Он всем им годился в батьки, обладал невероятной силой и удивительным спокойствием. У Беззубцева была тяжелая нижняя челюсть, исковерканная осколком, квадратный нос и крохотные колкие глаза. Вздувшаяся на лбу синяя вена, словно веревка, стягивала его мысли. Вероятно, поэтому Беззубцева считали тугодумом.

Сергачев внимательно осмотрел свой комсостав и, кривя тонкие губы, усмехнулся:

— Ну и видик! От одного вашего вида немцы разбегутся куда попало.

— Пусть разбегаются. Мы к ним не на блины собрались, — проворчал лейтенант Беззубцев.

Малешкин, чтоб сгладить столь неучливое отношение угрюмого Беззубцева к комбату, радостно воскликнул:

— Вы б посмотрели, товарищ капитан, на моего механика-водителя. Вот это видик! Черт чертом. Словно его из пекла вытащили.

Сергачев на столь важное замечание Малешкина не обратил внимания и приказал приготовить карту.

— А у меня ее нет, — пожаловался Саня.

— У тебя никогда ничего нет, — заметил комбат.

— А я виноват, что мне ее не дали? — обиженно протянул Малешкин.

Сергачев отлично знал, что Малешкину карты не досталось, и все же не упустил случая упрекнуть его в разгильдяйстве.

— Отмечаем по карте маршрут движения. Младший лейтенант Малешкин, достаньте бумажку и записывайте...

Саня схватился за сумку, которая болталась сбоку, и стал торопливо ее расстегивать. В сумке бумажки не оказалось. Вообще в ней ничего не было, кроме трех кружков печенья — остаток дополнительного пайка, который он вчера получил и вместе с экипажем в один присест уничтожил. Саня об этом знал и в сумку полез просто так, для отвода глаз комбата.

Сергачев перечислял села, мимо которых они должны были ехать, и названия их были очень знакомые: все те же Каменки, Боярки, Городища, Барановки. А сколько их за полгода проехал на своей самоходке младший лейтенант Малешкин! Потом мысли Сани перекинулись на самого себя. Он с тоской размышлял о том, отчего ему так не везет

в жизни. Все над ним насмеваются, подтрунивают, что ни случись в полку — все сразу почему-то вспоминают Малешкина. До чего дошло — карты ему не дали! Всем хватило, даже командиру автоматчиков, а командиру машины, основной боевой единицы в полку, не досталось. А зачем этому автоматчику карта? Ведь он со своим взводом только и делает, что штаб охраняет.

Горестные размышления младшего лейтенанта Малешкина прервал голос комбата:

— Вопросы будут?

Саня вздрогнул и непроизвольно громко выпалил:

— Вопросов нет. Все ясно, товарищ капитан.

Пашка Теленков захохотал. Даже мрачный Беззубцев заулыбался, и хмурое лицо его стало необыкновенно ласковым и добродушным. Капитан Сергачев показал Малешкину кулак.

— На подготовку и завтрак — двадцать минут.

Когда Малешкин вернулся к своей самоходке, заряжающий с наводчиком сидели на верху машины под брезентом и курили. Они не обратили на своего командира никакого внимания. Это взорвало Саню.

— Чего сидите? — закричал он. — Встать!

Наводчик с заряжающим вылезли из-под брезента, неуклюже поднялись, переглянулись, пожалели плечами.

— А где Щербак?

— На кухню пошел, — ответил наводчик.

— За завтраком, — пояснил заряжающий.

— Я вас не спрашиваю, ефрейтор Бянкин, за чем он пошел. Я спрашиваю, почему Щербак пошел,

а не вы? — Саня передохнул. — Сколько раз запрещал отлучаться водителю с наводчиком. Почему не исполняются мои приказания?! — У Сани голос сорвался, и он последние слова просвистел фистулой.

Сержант с ефрейтором опять переглянулись и, как показалось Сане, усмехнулись нарочно оскорбительно.

— Сержант Домешек, прекратите корчить рожи и отвечайте на вопрос: почему не исполняются мои приказания?

Сержант Домешек, тощий одесский еврей с выразительными печальными глазами, принял стойку смиренно:

— Не могу знать, товарищ гвардии младший лейтенант.

— Ефрейтор Бянкин, почему не выполняются мои приказания?

— Почему? — Бянкин вздохнул, сдвинул шапку на лоб, со лба опять на затылок и, глядя на командира ясными, невинными глазами, пояснил: — Очень Гришка Щербак любит ходить на эту кухню.

— Даже больше, чем старый еврей в синагогу, — добавил Домешек.

От этого замечания у Сани не дрогнул ни один мускул, хотя кто знает, каких усилий ему это стоило. Он сердито посмотрел на своего наводчика:

— Отставить шуточки, сержант, — и хотел было четким командирским голосом отдать приказ на выступление. Но командирский запал у него уже иссяк.

Саня широко улыбнулся и радостно сообщил, что через двадцать минут полк выступает, что наконец-то они выберутся из этого проклятого леса.

Однако наводчик с заряжающим не разделили Саниного восторга. Фронтальная жизнь научила их многому, и в первую очередь — не торопиться. Заряжающий с наводчиком стали сворачивать брезент. Появился Щербак с картонной коробкой, которую он держал перед собой обеими руками. Забыв про брезент, экипаж Малешкина наблюдал, как Щербак осторожно обходит упавшую сосну. Всех, конечно, интересовал не сам Щербак, а картонка. Поставив коробку у ног Сани, Щербак выпрямился, козырнул и, глупо улыбаясь, доложил:

— Водку и энзэ выдали, товарищ лейтенант. А чтоб два раза не ходить, я выпросил у чмошников коробку.

Чмошниками солдаты называли хозяйственников. В переводе это слово не выдержит никакой цензуры.

В коробке Щербак приволок два котелка супа, фляжку с водкой, хлеб, сухари, четыре куска сала, четыре банки свиной тушенки и кулек с сахаром. Саня, забыв про свое возмущение, искренне похвалил его за солдатскую смекалку, и экипаж здесь же, на несвернутом брезенте, сел завтракать. Выпили по сто граммов водки, закусили энзэновским салом, принялись за суп. У одного котелка пристроились наводчик с водителем, у другого — Саня с ефрейтором. Осип Бянкин почистил пальцем ложку и, навесив ее над котелком, ждал, когда командир приготовит свою. Но Саня, сколько ни шарил за голенищем, ложки там не находил. Не оказалось ее и в другом сапоге.

— Черт знает куда она девалась, — пробормотал Малешкин, виновато поглядывая на Бянкина. — Вчера, ты помнишь, была?

— Наверное, под машиной в яме валяется, — заметил ефрейтор. — Слезить посмотреть?

— Не надо. Я сам. Чего ты смотришь? Жри, — сердито приказал Малешкин и полез под машину.

Минут десять Саня рылся в песке и наконец нашел свою ложку на гусенице под опорным катком. Саня крепко выругался и закричал:

— Эй, вы, черти, кто мою ложку под каток засунул?

— Я, наверное, — отозвался Щербак.

— Что же ты мне сразу не сказал?

— Забыл...

И прежняя злость на механика-водителя вспыхнула у Сани с еще большей силой.

— Ты вечно все забываешь. — Саня выполз из-под самоходки и, держа ложку как пистолет, пошел на Щербака. — Я тебе запретил шлаться на кухню? А ты опять забыл? Зачем потащился на кухню, а? Встать, разгильдяй, когда с тобой разговаривают!

Щербак поднялся и, сгорбясь, опустив голову, стоял перед командиром.

— Отвечай, почему пошел на кухню?

— За завтраком.

— А почему ты пошел?

— А кому-то все равно надо было идти.

— Не кому-то, а заряжающему! Я же приказывал!

— Приказывал, — как эхо повторил Щербак.

— А почему же вы, Щербак, нарушаете мой приказ?

— А Бянкин мне сказал: «Бери котелки и топай на кухню».

— А кто здесь командир? Я или Бянкин? Отвечай мне, кто здесь командир, я или...

— Конечно вы, товарищ лейтенант. И полно вам ругаться. Рубайте суп, а то совсем холодный будет, — сказал ефрейтор и потянулся к банке с тушенкой.

— Отставить тушенку, ефрейтор Бянкин. Разве вы не знаете, что это неприкосновенный запас! — прикрикнул Саня на заряжающего.

Ефрейтор покидал с руки на руку банку и, вздохнув, бросил ее в коробку. Саня, довольный тем, что Бянкин, которого он, откровенно говоря, побаивался, беспрекословно выполнил его приказание, уже не так грозно смотрел на водителя, и голос его сразу подобрел. Он еще продолжал ругать Щербака, но гнев его теперь звучал как награда собственному самолюбию. Впрочем, ругать Щербака можно было сколько хочешь. Он никогда не возражал да и не обижался. Он чем-то напоминал старую, задубелую клячу, которая, сколько ее ни бей, сколько на нее ни кричи, не оглянется и не прибавит шагу.

Бестолковый, неряшливый Щербак стоял, беспомощно опустив руки, и преданно смотрел на командира. Сане одновременно стало жалко водителя и стыдно за свой разнос. Но он не знал, как сменить гнев на милость. Малешкину хотелось сказать Щербаку что-нибудь доброе, теплое, но подходящих слов не находилось. И он сказал:

— Ты бы хоть рожу помыл. А то ведь ужас на кого ты похож.

Щербак понял, что командир выдохся, и охотно согласился после завтрака помыться. Малешкин, доказав, какой он строгий командир, спокойно уселся хлебать остывший суп. Наводчик с заряжающим переглянулись и, втянув головы в плечи, хихикнули. Экипаж давно раскусил своего коман-

дира: вспыльчив, горяч, но отходчив, а вообще мягкий, как лен, хоть веревки вей.

Бянкин, видя, как командир вяло шевелит ложкой, заметил, что баланда сегодня жидковата. Саня, не чувствуя вкуса, утвердительно кивнул головой. Хотя суп был обычный — и наваристый, и довольно-таки густой. Осип Бянкин руганул чмошников и, не спуская глаз с командира, вынул из коробки банку свиной тушенки. Подкинул ее, как мяч, поймал и поставил перед Саней. Домешек тоже взял банку и тоже ее подкинул.

— Ни-ни, — замотал головой Саня.

— Ну, товарищ лейтенант! — жалобно протянул Домешек.

Когда экипаж с командиром жил в полном согласии и дружбе, то повышал его в звании и величал лейтенантом.

— По уставу не положено, — сказал Саня.

Бянкин вынул из кармана нож:

— Лейтенант, неравно убьют, так зачем же добру пропадать?

— А если не убьют, то на тетушкином аттестате проживем, — заявил Щербак.

Саня помолчал, вздохнул и махнул рукой. Возражал он не потому, что был такой уж дотошный хранитель уставных норм, а просто потому, что был командир. И если бы заряжающий с наводчиком не проявили инициативы насчет тушенки, то он проявил бы ее сам.

Позавтракав, экипаж закурил и, покурив, нехотя поднялся и стал готовить машину к маршу. Свернули брезент и накрыли им снаряженные ящики, которые были штабелем сложены над мотором самоходки. По обеим сторонам машины и сзади, над

трансмиссией, лежали толстые бревна, к которым были привязаны бочки с горючим и маслом. Самоходный полк в составе 6-го корпуса 3-й гвардейской танковой армии после прорыва обороны немцев должен был выйти на оперативный простор. Об этом Малешкину не докладывали, но он сам догадывался, потому как машина его была загружена снарядами и горючим до отказа.

Саня лично проверил крепление бочек и боеукладку. Все было в порядке. Малешкин спрыгнул с машины, критически осмотрел ходовую часть. Ему показалось, что с правой стороны гусеничная лента сильно провисла.

— Гришка! — закричал Саня.

— Чего?

— Подтяни правый ленивец.

— Ладно.

Однако Щербак даже не пошевелился. Он сидел в машине и, не зная, что ему делать, тер пальцем стекло тахометра. Приказ командира донесся до него издали, как эхо, он так же, как эхо, ответил: «Ладно». Механик-водитель не любил самоходку и боялся ее. Сокровенной мечтой Щербака было перебраться в ремонтную роту. Но перебраться туда не так-то просто, особенно когда сидишь за рычагами машины. «Вот было б счастье, если б фриц закатал болванку в моторный отсек: машине капут, и все живы».

В передний люк просунулось злое лицо Малешкина.

— Ты чего ж сидишь, обормот грязный! Я кому сказал подтянуть гусеницу? Ну погоди, ты меня выведешь из терпения!

Щербак заторопился, стал искать натяжной ключ, приговаривая:

— Сейчас, сейчас, товарищ лейтенант, все будет в порядке.

Поиски ключа продолжались долго, наконец ключ был найден заряжающим Осипом Бянкиным. Втроем они стали подтягивать ленивец. Но ленивец не поддавался: он был натянут до отказа.

— Надо выбрасывать трак, — заявил ефрейтор.

— Надо, — нехотя согласился с ним Щербак.

— Давайте выбрасывать. Бянкин, тащи паука с выколоткой, — приказал Саня.

Бянкин нагнулся, прищурясь, осмотрел гусеницу, ударил по ней каблуком и решительно плюнул:

— И так сойдет, лейтенант.

— А если свалится?

— Хрен свалится, — заявил Бянкин.

Авторитет ефрейтора в экипаже был непоколебим. Малешкин облегченно вздохнул. Выбрасывать траки — грязная и утомительная работа. А Саня с минуты на минуту ждал команду: «Заводи!»

— Щербак, у тебя все готово? — отрывисто спросил Саня.

Щербак козырнул:

— Так точно, товарищ лейтенант.

— У тебя, Бянкин?

Заряжающий пожал плечами:

— Мои снаряды всегда готовы.

— Домешек? Где наводчик?

Саня оглянулся. Домешек стоял сзади. Вид его испугал Саню. Вернее, он не увидел самого Домешека. Он увидел длинный белый, как у грача, нос и огромные белки, которые, казалось, вот-вот вывалятся из глазниц. Домешек протянул Сане руку:

— Вот...

— Что это? — спросил Саня.

— Чека... от гранаты.

Саня ничего не понимал, не понимали и Щербак с ефрейтором. Но всем вдруг стало страшно.

— Я проверял в сумках гранаты и не знаю как... вытащил чеку. — Домешек хотел улыбнуться, но вместо улыбки лицо его задрожало и сморщилось.

У Малешкина обмякли ноги, и все вокруг стало нереально маленьким и серым.

— Граната без чеки в сумке? — спросил ефрейтор.

Домешек кивнул и, схватившись за голову, сел прямо в снег.

— Почему же она не взорвалась? — вслух подумал Саня.

— Наверное, трубку взрывателя прижало. А то б она рванула. — И Бянкин зябко поежился.

— Что же теперь делать-то?

Саня по очереди посмотрел на своих ребят. Домешек сидел на снегу и тупо разглядывал ладонь, на которой лежала чека. Щербак, уставясь на самоходку, размазывал по лицу грязь. Ефрейтор Бянкин сворачивал сигарку и никак не мог свернуть: то просыпался табак, то рвалась бумага.

Малешкина сковал ужас. Его самоходка, родной дом, превратилась в огромную глыбу взрывчатки. Малейший толчок — капсуль-детонатор срабатывает, и... Саня закрыл глаза и увидел огромный взрыв, а на месте машины — черную яму. Он невольно попятился.

— Дела так дела, — протянул Бянкин; ему все-таки удалось свернуть папироску и закурить.

Малешкин взглянул на ефрейтора, который жадно глотал дым, и протянул руку. Бянкин отдал ему окурочек. Саня затыкнулся, обжег губы и опять рассеянно спросил:

— Что же делать-то теперь, а? Если взорвется машина, нам всем... — и не договорил.

Впрочем, все поняли и молчали. И в этом молчании младший лейтенант Малешкин почувствовал, что теперь все зависит от него. Он командир, он за все в ответе. Саня закрыл ладонью глаза, стиснул зубы.

— Сержант Домешек, вы сейчас пойдете в машину и достанете ту гранату. Понятно?

Домешек скорее удивленно, чем испуганно посмотрел на командира, словно спрашивал: «Ты что, шутишь, лейтенант?» — и наконец понял, что это не шутка, а приказ. Он поднялся, опустил руки и тихо по складам проговорил:

— Есть достать гранату.

С минуту он стоял, повесив руки и опустив голову, потом поднял ее, горько усмехнулся и пошел к машине. Когда он уже занес ногу на гусеницу, Малешкина обожгла мысль: если Домешек погибнет, ему тоже не жить. «Так зачем же и ему? Уж лучше один я». И Саня тихо позвал:

— Мишка.

Домешек через плечо посмотрел на командира.

— Вернись.

— Зачем?

— Назад! — грубо оборвал его Саня.

Домешек пожал плечами и вернулся.

— Я сам... Понимаешь, я сам. — Саня отвернулся от наводчика, посмотрел на корявую сосну с перебитой макушкой. — В какой сумке она?

— С левой стороны.

— Какая она?

— Не знаю, лейтенант. Я ее не видел. Когда я увидал в руке чеку, все забыл, ничего не помню, словно по затылку бревном ахнули...

— Значит, в левой?
— Кажется, в левой.
— Кажется, кажется! Должен точно знать, — взорвался ефрейтор. — Лейтенант, давай я ее достану?

— Нет... Я сам.

— Разрешите. Для меня эти гранаты раз плюнуть.

— Ефрейтор! — И Малешкин так посмотрел на заряжающего, что у того сразу отпала охота настаивать.

Бянкин посоветовал лейтенанту снять фуфайку.

— Без нее удобнее, — сказал он.

Саня стащил фуфайку, бросил ее на снег, потом снял шапку и тоже швырнул, подошел к машине, вскочил на нее и взглянул в открытый люк. Оттуда на него дохнуло холодом. Он оглянулся на ребят, хотел улыбнуться, помахать им рукой, сказать что-нибудь доброе, но улыбки не получилось, рука не поднялась, и сказал он то, что надо было сказать:

— Отойдите от машины подальше. А то взорвется, и вам будет хана. — Последних слов Саня не хотел произносить, они сами неожиданно соскочили с его губ, и Малешкин почувствовал, что он немеет от страха.

— Господи, помоги! — прошептал гвардии младший лейтенант Малешкин и спустил ноги в люк, как в могилу.

Саня не помнил, как он разыскал гранату, как осторожно и цепко ухватил ее за взрыватель и вынул из сумки.

Когда Саня вылез из машины и вытер с лица пот, который был холоднее родниковой воды, он опять увидел мир, огромный и прекрасный, хотя над ле-

сом висело сырое, тяжелое декабрьское небо. Саня поднял вверх гранату и закричал:

— Ребята! Вот она!

Ребята подошли и боязливо покосились на гранату, которую Малешкин так сжал, что побелели пальцы.

— Забрось ее вон туда, в кусты, — посоветовал Домешек.

Но Саня категорически отверг это разумное предложение, сказав, что на взрыв сбегутся и опять припишут батарее ЧП.

— Вставить на место чеку. Вот и все, — сказал Бянкин. — Мишка, давай чеку. — Ефрейтор подул на чеку, обтер о ватник и подступил к командиру. — Где там дырка?

Малешкин протянул заряжающему руку с гранатой.

— Что же ты зажал дырку? Раздвинь пальцы!

— Не могу. — Саня спрятал гранату за спину.

— Почему? — удивился ефрейтор.

— Боюсь.

Бянкин попытался отобрать у Малешкина гранату.

— Ладно, черт с тобой. Держи крепче взрыватель.

— А ты что будешь делать? — испуганно спросил Саня.

— Ничего. Держи.

Саня не успел сообразить, в чем дело, как Бянкин отвернул от взрывателя гранату.

— А теперь бросай взрыватель.

— Куда?

— В снег. Да чего ты боишься?

Саня бросил. Взрыватель, описав дугу, упал в снег. Все ждали взрыва, а его не было.

— Что за хреновина! — удивленно протянул Домешек.

Бянкин поднял взрыватель, подергал трубку:

— Брак!

Заряжающий с наводчиком принялись дико хотать, к ним присоединился и Щербак.

Домешек схватил Малешкина за руку:

— Я по этому поводу расскажу один еврейский анекдот...

Анекдота наводчик рассказать не успел: появился комбат и приказал выводить машину на дорогу.

На другом конце леса, как молотилка, застрекотала самоходка, к ней присоединилась вторая. «Первая батарея уже заводит», — догадался Малешкин и стал торопливо натягивать фуфайку. Защелкал и защелкал мотор командирской машины, и в ту же секунду за кустами взвизгнул стартер и, как пушка, захлопала самоходка Пашки Теленкова. Справа с надрывным воем выползала из ямы машина Чегнички. Сам он пятился перед ней, махал руками, грозил кулаком и показывал пальцем то на одну, то на другую гусеницу. Теперь весь лес стрекотал, трещал, хлопал, выл... Сизый вонючий дым по стволам искалеченных сосен пополз к такому же сизому сырому небу, смешался с ним, и ничего не стало видно.

Саня, прикрывая лицо руками, стоял перед люком механика-водителя и ждал, когда тот запустит мотор. Стартер визжал, выл, как сирена, а мотор не заводился. Саня в конце концов не выдержал, подскочил к люку:

— Почему не заводится, а? Ты что, меня угробить хочешь?!

— Аккумуляторы сели, — ответил Щербак.

— Отчего ж они сели? Вчера заводилось, а сегодня сели?

— Потому что вы всю ночь рацию гоняли! — закричал Щербак.

Саня опешил. Такого он от Щербака не ожидал. Малешкина затрясло от обиды.

— Ты чего валишь с больной головы... Не подготовил машину, а теперь валишь. Ну погоди, я с тобой разберусь, — зловеще прошипел Малешкин.

— Не очень-то, лейтенант, разоряйтесь! А что вы все время музыку слушаете — факт, и никуда не попрешь, — заявил механик.

Действительно, против этого факта переть было некуда. Радио он любил и частенько часа по два гонял рацию, хотя знал, что от этого аккумуляторы разряжаются. Саня с тоской посмотрел в глаза механика-водителя. Они от гнева округлились и пожелтели, стали как медные пуговицы.

— Давай еще попробуй, Гриша, — попросил Саня.

Щербак попробовал, и металлический, пронзительный звон ударил Малешкина по ушам. Однако мотор не завелся.

— Эх ты, механик-водитель, — простонал Саня.

— Садитесь сами и заводите, — огрызнулся оскорбленный механик-водитель.

Ах если б Саня умел! Разве бы он не завел? Но Саня не знал мотора и не умел его заводить, в боевой машине за рычагами сидел всего два раза в училище на танкодроме, а то все время упражнялся на учебных да на макетах. Попав на фронт, он целиком доверился механику-водителю. Как в эту минуту он жалел, что так бесшабашно относился к тех-

нике! «Выйдем на формировку — не отойду от машины, изучу ее до винтика и научусь водить». Дав себе такой обет, Саня попросил Щербака попробовать в последний раз. Попробовали, и ничего не вышло. Подошел ефрейтор Бянкин:

— Лейтенант, может, воздух попал в систему?

— А может, и в самом деле! — Саня ухватился за этот «воздух», как утопающий за бревно, и крикнул наводчику, чтобы тот спустил из топливной системы воздух.

Домешек давно успел все приготовить к маршу. Закрепил пушку, чтоб она не болталась, на казенник натянул чехлы, поудобней приспособил сиденье. И теперь, наблюдая, как Щербак мучается с мотором, злорадно думал: «Так ему и надо». Он не любил Щербака за трусость, лень и наплевательское отношение к машине и твердо был уверен, что это для них когда-нибудь кончится очень печально. Всегда веселый, неунывающий Мишка Домешек в последние дни скис и почти перестал рассказывать свои анекдоты.

— Мишка, выпусти из системы воздух. Там есть краник, поверни вправо! — кричал младший лейтенант Малешкин. Сам он толком не знал, где этот краник находится, но знал, что он есть и что повернуть его надо вправо.

Наводчик же отлично знал этот краник, и поворачивать его ему приходилось тысячу раз еще до лейтенанта Малешкина. Домешек полтора года сидел в танке. Когда после госпиталя его направили в самоходную артиллерию, он несказанно обрадовался, что наконец-то избавился от «братской могилы четырех» — так называли танкисты свою машину. Но когда его посадили в самоходку, которая

почти не отличалась от танка, Домешек, горько усмехнувшись, сказал: «Нельзя желать того, чего не знаешь... На войне как на войне».

Наводчик повернул краник, спустил на днище машины сто граммов газойля. Щербак нажал кнопку стартера, он дзинькнул, и мотор завелся с таким остервенелым хлопаньем, что у Сани чуть не лопнули барабанные перепонки.

Щербак со страшным скрежетом воткнул первую скорость и дал такой газ, что машина пробкой вылетела из ямы. Саня едва успел отскочить в сторону, а Домешек, проклиная дурака-водителя, завалился на снаряды.

Малешкин пятился перед самоходкой, показывая Щербаку то на одну, то на другую гусеницу. Спиной дошел он до канавы на окраине леса, перепрыгнул ее и стал обеими руками махать водителю, что означало: «Давай смело вперед, через канаву». Но самоходка стояла перед канавой, а Щербак ожесточенно ругался. Саня бросился к машине:

— Опять? Что?

— Лопнула тяга левого фрикциона.

— Почему же она лопнула? — со слезами на глазах спросил Саня.

— Лопнула, и все, — ответил Щербак.

— Ну и гад же ты, Гришка! Мерзавец, — сказал Домешек. — «У меня все готово»... Подлец!

Подошел Бянкин и, узнав, в чем дело, мрачно засопел:

— Слушай, Щербак, а ведь ты доиграешься.

— Я виноват, что она лопнула? — истошно заорал водитель.

— А кто ж? Конечно ты, — поддержал ефрейтора Домешек. — Ладно, лейтенант. Если что, мы

скажем, какой он механик-водитель и как он к машине относится.

— Факт, командир здесь ни при чем, — добавил Осип Бянкин. — А перед наступлением за такие штучки... — И ефрейтор выразительно щелкнул языком.

У Щербака испуганно забегали глаза.

— Вы что, ребята, с ума сошли? Думаете, я ее нарочно сломал? Ей-богу, она сама сломалась!

— Почему же ты перед выездом не проверил, а доложил лейтенанту: «Все готово»? — спросил Домешек.

— Да, почему ты доложил: «Все готово»? — повторил Саня.

— Ну что вы на меня все навалились? Подумаешь, тяга! Да я ее сейчас, в одну минуту... Одну минуту, и поедет, товарищ лейтенант. — Щербак выскочил из машины, забегал вокруг нее, с грохотом открывая ящики с инструментом, бросился назад, к яме, где раньше стояла самоходка, и вернулся с толстым концом проволоки.

Щелкая по сапогам прутиком, короткими отрывистыми шажками к машине подошел капитан Сергачев.

— Опять у Малешкина не слава богу, — усмехнулся комбат.

Всех боялся Саня, а капитана Сергачева особенно. В полк Сергачев прибыл недавно, и его сразу же назначили командиром четвертой батареи, на место уехавшего в академию старшего лейтенанта Танеева. С приходом Сергачева для Сани настали черные дни. Капитан с первого взгляда невзлюбил младшего лейтенанта Малешкина, придирался по любому пустяку, а в последнее время все чаще и ча-

ще грозился снять Малешкина с машины, отчислить из батареи и отправить в резерв. Это для Сани было подобно смерти. Жить без самоходки, без своих ребят он уже не мог.

— Почему стоим, Малешкин?

Саня съежился, как от удара:

— Тяга лопнула.

— Что? Какая тяга?

Бянкин хмуро посмотрел на комбата:

— Бортового фрикциона.

— Сейчас поедем. Один секунд, товарищ комбат! — крикнул из машины водитель.

— Ни у кого не лопнула, а у Малешкина лопнула. Вот навязали мне на шею командира, — желчно, не разжимая зубов, процедил капитан Сергачев и, резко повернувшись, пошел от машины, четко чеканя шаг.

— Это еще неизвестно, кого кому навязали. Ишь зачикилял, как принцесса Турандот, — сказал Домешек.

Бянкин неожиданно сорвался с места и побежал за комбатом. Догнав, стал что-то говорить ему, энергично размахивая руками.

Саня смотрел на них и думал, что Сергачев наверняка отнимет у него самоходку. Настроение было отвратительное. Ничего не хотелось делать, и ничто не радовало, даже предстоящий марш, наступление, бои, к которым он так рвался.

— Над чем, лейтенант, задумался? — окликнул его наводчик.

— Да так. Ужасно все плохо, Миша, — пожаловался Саня.

— Не унывайте, лейтенант, еще будет и хуже.

Саня вздохнул:

— Веселый ты парень, Мишка, отчаянный!

Домешек удивленно вскинул на командира свои большие, с тяжелыми веками глаза и очень серьезно спросил:

— Это я-то веселый, отчаянный? — и обнял Малешкина. — Сейчас, Сан Саныч, я вам по этому поводу расскажу заплесневелый анекдот.

Саня приготовился слушать. И на этот раз Мишка не успел рассказать свой заплесневелый анекдот. Из люка высунулась грязная рожа Щербака и, скаля зубы, объявила:

— Готово. Поехали.

Самоходка переползла через канаву, Саня с Домешком вскочили на нее, и машина покатила по дороге.

Полк Малешкин догнал на северной окраине леса. Он стоял, вытянувшись в походную колонну, и чего-то ждал. Саня пристроился в хвост и тоже стал чего-то ждать.

Настроение у младшего лейтенанта Малешкина теперь было превосходное. Машина готова к бою хоть сейчас. История с гранатой прошла так удачно, что и комбат не узнал. Саню все радовало, даже это хмурое утро. Он готов был расцеловать и веселого наводчика, и умного Осипа Бянкина, а заодно и Гришку Щербака. За то, что механик-водитель в какие-то десять минут устранил такую сложную неисправность, Саня простил ему сразу все грехи и пороки.

Прошло полчаса. Колонна продолжала стоять. Сверху посыпался снег, мелкий, как крупа. Стало подмораживать. Экипаж уселся на жалюзи и накрылся брезентом. Саня залез в шубу. Шуба эта тоже была своего рода реликвией полка. Ее привез

начальник штаба майор Кенарев из Монголии и сдал на склад помпохозу Андриюценке. Когда в полк привезли легкие романовские полушубки и стали одевать в них офицеров, Сане не досталось полушубка. Помпохоз выдал ему этот тяжелый, как волчья шкура, монгольский тулуп. В него можно было завернуть двух лейтенантов Малешкиных.

— Чего стоим? Чего стоим? — сердито спросил себя Саня.

Его окликнул ефрейтор Бянкин:

— Лейтенант, узнай, когда тронемся. Может, еще обедать тут будем.

Саня сполз с машины и пошел вдоль колонны. Шел, переваливаясь с боку на бок, а сзади волочилась шуба, замечая его следы. Саня миновал свою батарею — никого из командиров не было, третью — тоже, вторую...

Комсостав полка собрался у самоходок первой батареи. Еще издали Малешкин услышал дружный хохот.

«Наверно, надо мной...» — поморщился Саня, но не изменил ни походки, ни важного вида. Он знал, что сейчас опять начнется комедия и главную роль в ней будет исполнять он, гвардии младший лейтенант Малешкин. Саня и сам не понимал, почему это так получалось. С экипажем он был строг и всячески стремился держать на высоте престиж командира. А как попадал в общество офицеров, совершенно терялся.

Когда Саня приблизился, круг офицеров разомкнулся, вперед выскочил лейтенант Наценко и громко доложил:

— Товарищ генерал Малешкин, полк в полном составе к маршу готов.

У всех, видимо, было отличное настроение, поэтому хохотали так громко и долго, что Сане стало не по себе. Смеялись все: и командир полка Басов, и начальник штаба, и даже пожилой строгий замполит полковник Овсянников. Когда смех наконец смолк, Овсянников сказал:

— А что? К пятидесяти годам Малешкин вполне может быть генералом.

Саня быстро взглянул на замполита и потупился. Даже этот серьезный человек, которого он очень уважал, смеется над ним.

Сергачев с нескрываемым презрением посмотрел на Малешкина и сказал:

— Пусть этот «генерал» расскажет, как вынимал из машины гранату. Чуть в штаны не наложил.

У Сани из глаз покатались желтые кольца. Такого удара в эту минуту он никак не ожидал.

— А зачем он ее вынимал? — спросил Басов.

— Не знаю. Он мне не докладывал, — ответил капитан.

— Малешкин, в чем дело? — строго спросил полковник.

Саня, как рыба, хватил ртом воздух и начал рассказывать.

Он хотел посмешить, но шутки не получилось. Рассказ произвел угнетающее впечатление.

— Вы говорите, Малешкин, что наводчик дотронулся до гранаты и чека сама вывалилась? — прервал молчание майор Кенарев.

— Так мне сказал наводчик, — ответил Саня.

— А сколько в сумке гранат?

— Шесть.

— И все со взрывателями?

— Все.

Начальник штаба повернулся к Басову:

— Во время движения машину трясет, усики, вероятно, разогнулись, и чека свободно вывалилась. Но ведь какая случайность! А если б не испорченный взрыватель?

Полковник Басов вынул из кармана платок, вытер им лицо и шею.

— Капитан Сергачев, почему вы об этом сразу не доложили?

Сергачев пожал плечами:

— Я этому не придавал значения.

— Вот как, — выдавил Басов. — А вот Малешкин придавал этому значение.

— Мне об этом рассказал заряжающий. — Сергачев вытянулся и щелкнул каблуками.

Басов уставился на Саню:

— Малешкин, почему вы не доложили комбату?

Саня опустил голову и так сжал зубы, что никакая сила не смогла бы их разомкнуть. Что будет, то пусть и будет. Все смотрели на Малешкина, а он, опустив голову, упорно молчал. И вдруг Пашка Теленков громко сказал:

— Он боится комбата, товарищ полковник. Комбат Сергачев все грозитя снять его с машины.

— Как это снять? — недоумевая, переспросил Басов и с интересом посмотрел на Сергачева.

Теперь все смотрели на капитана. Сергачев вскинул подбородок и заговорил твердо, не спуская глаз с полковника:

— Снимать с машины командира у меня нет прав. Я имею в виду, товарищ полковник, подать вам рапорт, чтоб убрали с батареи младшего лейтенанта Малешкина. Я его подам после боевых действий.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ	5
ЖЕЛЕЗНЫЙ ДОЖДЬ	133
КОРОТКОЕ ДЕТСТВО	297
<i>Г. Е. Нестерова-Курочкина</i>	
Живи, Малешкин, долго-долго!	
<i>(К истории создания фильма «На войне как на войне»)</i> ...	473